

²¹ Haraway D. Situated Knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // *Feminist Studies*. 1988. V. 14. № 3. P. 575–599.

²² Ibidem.

²³ Ibid. P. 593.

²⁴ Shiva V. *Improvement of the Environmental: Women and Children Last // Ecofeminism*. Melbourne. 1993.

²⁵ Выступление сенатора Д. Херрона перед студентами колледжа св. Игнатия 13 ноября 1996 г.

²⁶ См. также: Turner D. Return to Eden. A Journey Through the Promised Landscape of Amagalyuagba. N.Y., 1989. P. 258. Его анализ влияния колонизации на Грут Айленде уничтожающий: «В постконтактном аборигенном обществе, однако, "другой" постепенно вычленяется из "я" как на уровне взаимоотношений между народами, так и на уровне взаимоотношений отдельных людей, создавая основу для конфронтации между ними при отсутствии посредника. Если подобное вычленение не происходит одновременно, сторона, подвергнувшаяся вычленению, становится одинокой, зависимой и уязвимой».

²⁷ Bauman Z. *Postmodern Ethics*. Oxford, 1993. P. 225.

²⁹ Fackenheim E. Op. cit. P. 310.

Перевод В.А. Парицкого, Е.Д. Провоторовой, А.А. Сириной

D.B. Rose. Indigenous ecologies and environmental ethics: situated Availability

This article is an English-Russian translation of the paper presented by the author at the plenary session of the International Conference on Ecology in Melbourne (Australia) October, 1997.

A leading student of modern societies of the Australian aboriginals D.B. Rose devoted her paper to the problem of ethnic ecologies as linked with the Victoria River area of the Northern Territory. The author indicates that her purpose is to initiate further a dialogue that would allow the ecological notions of aboriginal peoples to find their place in the international discourse concerning the question of ecological ethics.

© 2001 г., ЭО, № 2

Н.В. Р а к у ц

КИПУ: НЕ ПИСЬМО, НО...

Проблема отсутствия письма в огромном государстве инков, территория которого включала значительную часть современных Перу, Боливии, Эквадора, Чили, а также юго-западную окраину Колумбии и северо-запад Аргентины, занимала ученых издавна. То, что такая империя с четко налаженной системой управления, многочисленным населением, многоотраслевым хозяйством (интенсивное земледелие в различных природных зонах, скотоводство, рыболовство, ремесла), располагавшая огромной армией, управлялась без применения письма, казалось каким-то нонсенсом.

Правда, уже первые конкистадоры – испанские завоеватели – и хронисты отмечали наличие в стране, названной ими Перу, «веревки с узлами», служивших целям статистики¹. Но и только. Между тем письма просто «не могло не быть»², исходя даже из элементарных соображений о нем как о стадийном явлении, которое с необходимостью возникает при наступлении эпохи цивилизации. Примеров тому более чем достаточно: иероглифы и клинопись Месопотамии, иероглифы Египта и Китая, постепенное сложение слоговых систем письма на Ближнем Востоке, переход к буквенному письму. В самой Америке крошечные государства майя имели тем не менее развитую иероглифическую письменность. А ведь управлять ими было куда легче, чем империей инков. Государство ацтеков, будучи хотя и достаточно крупным, но еще рыхлым политическим образованием, обходилось, правда, довольно простым пиктографическим

письмом³. У инков же, казалось, не было даже и этого. В итоге возникала дилемма: либо письмо не обязано своим возникновением, как традиционно считалось, хозяйственным потребностям, и тогда надо искать другое объяснение его появлению, либо оно у инков было, но еще не обнаружено, и тогда следует его искать.

К счастью, испанские хронисты оставили немало упоминаний об использовании в древнем Перу неких пиктографических знаков – рисунков на коже, полотне, а также петроглифов. П. Сармиенто де Гамбоа (XVI в.) упоминал о наличии в особом, доступном лишь для избранных месте рисованных полотен в золотых рамах. На этих полотнах была представлена история инков-правителей, и имевшийся целый штат специальных служителей в случае надобности толковал эти изображения. О подобных полотнах с изображениями упоминают и другие авторы⁴. Казалось, вот и объяснение: письмо было, использовалось в узком кругу, испанцы в ходе завоевания, конечно, заинтересовались лишь золотыми рамами, а полотна погибли. Финский исследователь М. Пярссинен отметил, что такие изображения наносились и на деревянные сосуды (так называемые керо), а вероятно – и на стены архитектурных сооружений. А поскольку Гамбоа указывает на наличие штата толкователей, то можно заключить, что в данном случае речь идет о пиктографии, система которой напоминала ацтекскую⁵, хотя, скорее всего, более простую. Однако из сообщений тех же испанских авторов следует, что эта пиктографическая система применялась очень ограниченно для сохранения прежде всего некоей исторической информации, причем лишь для узкой группы лиц. Сведений, что ее применяли, как в Мексике, для хозяйственных целей, нет. А потому отсутствуют и основания считать ее письменностью, во всяком случае такой, какая требовалась при инкской, имперской, системе управления.

Другую возможность объяснить отсутствие письма давало свидетельство вызывающего обычно мало доверия иезуитского хрониста Ф. де Монтесиноса. Он сообщал, что письмо, издавна бытовавшее в Перу, было запрещено указом одного из правителей по совету оракула, после чего в ходу остались только кипу – узелковые «письмена»⁶. Поскольку Монтесинос имел в виду не примитивную пиктографию, а «настоящее» письмо, объяснение его показалось вполне удовлетворительным.

По мере изучения Перу археологами ситуация, однако, усложнялась. Стало ясно, что империя инков – лишь последнее звено в цепи государственных образований и вожеств, возникавших на территории области Анд⁷. Если инки запретили уже бытовавшее письмо и оно исчезло, почему нет свидетельства наличия письма в более древних перуанских цивилизациях? Р. Ларко Ойле предложил гипотезу о существовании «письмен» в виде разноцветных фасолин с нарисованными на них знаками. впоследствии развитую и дополненную В. де ла Хара⁸. Д.Э. Ибарра Грассо обнаружил много пиктографических записей (католические молитвы) у индейцев Боливии и стал защищать идею о доколумбовом происхождении этой письменности⁹. Привлекли внимание исследователей и свидетельства хронистов об использовании индейцами Анд как до инков, так и в инкское время особых жезлов, на которых сообщения «записывались» с помощью разноцветных полос¹⁰.

Несмотря на обилие свидетельств и гипотез, задача поиска письменности инков остается на повестке дня¹¹. Почему это происходит? Отчасти, вероятно, потому, что ученые упорно ищут следы «письменности» в европейском понимании этого слова: пусть не буквенной, но хотя бы иероглифической. Вместе с тем дело еще и в том, что все перечисленные выше гипотезы страдают теми или иными недостатками, мешающими возвести хотя бы одну из них в ранг теории. Отметим лишь наиболее существенные «минусы».

Наличие какой-либо формы пиктографического письма, более совершенного, чем то, о котором писал М. Пярссинен, вполне допустимо. Такое письмо представляет собой результат вполне естественной эволюции простых изображений в символы предметов и явлений¹² и хронологически предшествует иероглифике. Многочисленные находки петроглифов, а также присущие ряду перуанских культур (например, мочика, паракас, наска и др.) высокая техника вазовой и стенных росписей и техника укра-

шения сложными изображениями тканей показывают, что древние перуанцы обладали вполне достаточной базой и временем для развития пиктографии.

Собственно, сложные изображения, как, например, на мочикских культовых сосудах, – это явно особые «тексты», вполне понятные посвященным¹³. И поэтому то, что и инки использовали рисунки в целях хранения и передачи информации, – совершенно естественно, хотя, как отмечалось, сфера применения последних сузилась. Однако такой способ, по классификации И.Е. Гельба, это только «предписьменность»¹⁴. То же самое, очевидно, относится и к расписным жезлам. Аналогии им достаточно хорошо известны: здесь можно упомянуть жезлы австралийцев или айнские усодержатели¹⁵, которые покрывались символическими изображениями. Впрочем, возможности такого «письма» были очень ограничены. Недаром хронист Кабельо Бальбоа отметил, что «запись» на жезле подтверждал хранитель и толкователь кипу (таких специалистов именовали на кечуа *кипукамайоками*), и на кипу же ту «запись» перенесли для сохранения¹⁶. Называть подобные пиктограммы иероглифами, как это иногда делается¹⁷, нет никаких оснований.

Вызывает сомнение доколумбово происхождение рисуночного письма, описанного Д.Э. Ибарра Грассо. Все достоверно известные экземпляры созданы не ранее колониального периода. К тому же существует немало весьма различающихся вариантов этих письмен. И еще есть указание хрониста Х. де Акосты о том, что использовать символические записи индейцев учили миссионеры¹⁸, с тем чтобы облегчить себе работу по христианизации неграмотной паствы. Примечательно, что известные сегодня записи представляют собой католические молитвы. Поэтому наиболее вероятно пока считать данную письменность послеколумбовой по своему происхождению, подобно другим, вводимым миссионерами в аналогичных целях в разных частях света.

Сообщение Ф. де Монтесиноса, несмотря на то что ряд ученых ему в данном случае верит¹⁹, вызывает возражения иного порядка. Можно считать запрет письма реальным событием, но это противоречит как установленным на сегодня схемам эволюции письменности²⁰, так и простой логике. Зачем заменять уже существовавшее письмо узелками на веревках, когда логичнее было бы поступить наоборот? Но даже допустив столь нелогичный поступок как в принципе возможный, мы не решим этим другого возникающего в данном случае вопроса. Монтесинос явно имеет в виду письменность в европейском ее понимании, т.е. буквенную. Каким образом она появилась, если это – последняя стадия развития письменности? И где свидетельство предыдущих этапов? Утрата письменности в результате политических катаклизмов – вещь возможная (например, крушение цивилизации Микенской Греции), однако, когда жизнь входит в нормальное русло, письменность возрождается или заимствуется уже в силу ее необходимости. Почему же в Перу всё остановилось на кипу, если это узелковое «письмо» суть таковое только по названию, придуманному учеными за неимением лучшего? На все эти вопросы свидетельство Монтесиноса удовлетворительных ответов не дает.

Предположение Ларко Ойле о надписях на фасоли, как и расшифровки символических рисунков инков исследовательницей В. де ла Хара²¹, вызвали резкую критику. И хотя предсказывать результаты полемики, которая вряд ли закончена, видимо, не стоит, фасолины со знаками все-таки больше походят на гадательные или игральные фишки, тем более что нигде не складываются в связный текст. Они также могут быть элементами предписьменности, однако утверждать большее оснований пока, пожалуй, нет. А толкования символических рисунков (так называемых *токану*) В. де ла Хара и поддержавшим ее идею Т. Бартедем убедительно обосновать, по крайней мере на сегодняшний день, просто невозможно.

Что можно считать твердо установленным, так это то, что у инков не было самого понятия «письменность». Объявленное таковым кечуанско-аймарское слово *quilca/quelca* приобрело это значение лишь после конкисты, когда индейцы приспособили понятие, означавшее «рисунок», «изображение» (в том числе и красками), для нового явления²². Они просто использовали наиболее близкое по значению слово.

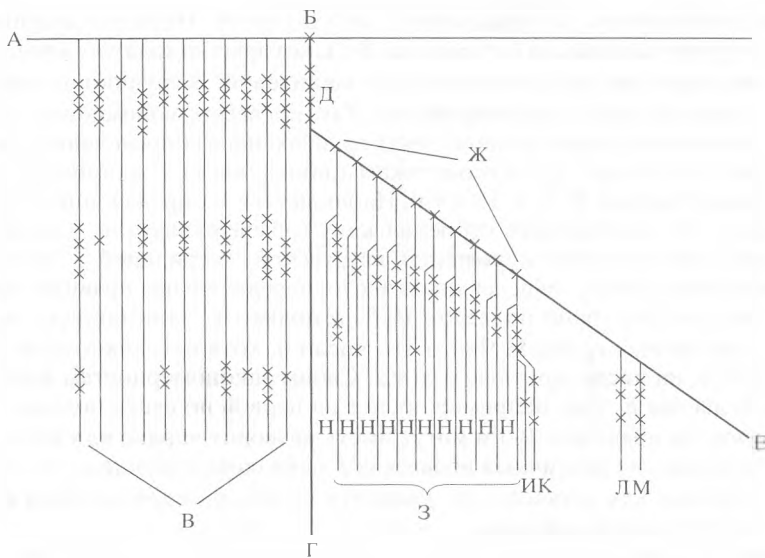

Рис. 1. Графическая система кипу (по А. де ла Каланча)

Разбор приведенных выше гипотез заставляет нас признать один со всей очевидностью установленный факт: в империи инков средством хранения и передачи информации выступало именно кипу. Постепенно выяснилось, что оно было не единственным средством – помимо иногда использовавшейся пиктографии эту роль могло играть еще одно весьма древнее изобретение (о нем будет сказано ниже), опять-таки связанное с кипу. Вместе с тем признание последнего в качестве основного информационного средства, столь необычного, с привычной точки зрения, перевело дискуссию в иную плоскость: встал вопрос о том, что реально можно было делать с помощью кипу.

Эту проблему нельзя считать решенной хотя бы потому, что общего мнения среди исследователей по многим пунктам еще нет. К тому же специалистов, реально занимающихся кипу, можно буквально пересчитать по пальцам, а критикуют их нередко те, кто даже с последней литературой по проблеме не знаком, да и кипу видел разве что в витрине музея или на иллюстрации.

Описание кипу и их изображения неоднократно приводились в литературе (например, в работах К. Радикати и В.А. Кузьмищева), но к ним, очевидно, необходимо вернуться еще раз, тем более что со времени опубликования многих исследований, так или иначе касающихся кипу, появились новые данные, значительно дополнившие прежнюю картину. Мы приводим здесь рисунок только одного кипу (рис. 1), причем не подлинного, а реконструированного на основе описания автора XVII в. А. де ла Каланчи (1584–1654). Эта реконструкция признана исследователями и отражает некоторые особенности лучше, чем сохранившиеся подлинные экземпляры.

Кипу делали из шерсти лам или из хлопка. Каждое из них представляет собой шнур-основу (А), к которому крепятся более тонкие подвесные шнуры и нити с помощью узлов (В) и простых петель. Непосредственно от шнура-основы отходят подвески (В и Г), которые можно назвать подвесками первого порядка. Они отличаются друг от друга только тем, что от некоторых из них (на нашем рисунке это подвеска Г) спускаются еще подвески второго порядка (Е). К последним можно присоединить подвески третьего (З), а возможно, и четвертого (Н) порядка.

Тут важны еще несколько моментов, на которые редко обращают внимание. Во-первых, подвески В и Г, которых всегда много, обычно образуют группы из несколь-

ких подвесок, между которыми на шнуре *A* оставляются промежутки (на нашем рисунке эта особенность, к сожалению, отсутствует). Нередко именно в этих промежутках крепятся подвески (назовем их *B-1*), которые отходят не вниз, а вверх от шнура *A* и, очевидно, играют роль особых разделителей. В группировании подвесок наблюдаются определенные закономерности. Так, подвески, занимающие одинаковое положение в соответствующих равновеликих группах, через определенные интервалы могут совпадать по своим характеристикам (длина, цвет) – например, четвертая подвеска справа в группах № 3, 9, 18 и т.п. Наблюдается и определенное чередование групп по цвету. Эту особенность строения кипу (обязательную не для всех) К. Радикати назвал, если дословно переводить на русский, «сериацией»²³. В основе ее в каждом конкретном случае – определенное число, определяющее правило чередования одинаковых по составу групп подвесок *B-Г*, и подвесок, занимающих одинаковое положение в различных группах. Часто это число 6, хотя встречаются и сериации с основой на 2, 4, 9, на числа, кратные 6, и т.д. Своим закономерностям подчиняется и размещение подвесок *E*. Так, например, их нет на первой по счету подвеске в группе, они отсутствуют на подвесках *B-1* и могут иметь разворот вправо или влево. Если же подвески *E* занимают на различных подвесках *Г* одинаковые позиции, то их размещение на кипу в целом, как установил К. Радикати на основе изученной им коллекции, также подчиняется законам сериации.

На подвесках часто, хотя и не всегда, завязывались узлы. Известны узлы трех типов: так называемые простой, сложный и фламандский. Из них простые могут составлять группы, сложные и фламандские расположены поодиночке. При этом узлы и группы узлов размещаются на разной высоте с оставленными между этими «регистрами» пустыми промежутками, где узлов нет. Обычно порядок размещения такой: простые узлы расположены в верхних регистрах, сложные и фламандские – в нижних, хотя нередки случаи нарушения этой закономерности. Бывает, например, что на кипу вовсе нет простых узлов, а сложные и фламандские размещаются в одном регистре и т.д. Из хроник известно, что такая система (при том, что узлы обозначали числа) позволяла легко вести расчеты. Инки использовали десятичную систему счисления: сгруппированных вместе узлов никогда не бывает больше девяти, а число витков в сложном узле опять-таки не превышает числа 9. Счет, очевидно, велся сверху вниз, т.е. нижние узлы обозначали единицы, следующие регистры – сотни, тысячи и т.д. При этом инки знали и обозначение нуля – достаточно было оставить пропуск в нужном месте подвески.

В целях большей информативности в кипу широко использовалась цветовая гамма. На сегодня установлено, что в одном кипу цветов с оттенками и их комбинаций (когда лишь для одной нити используется до трех вариантов расцветки) может быть более 30. Всего же по известным специалистам кипу выявлен 61 цвет (включая оттенки). Они образуют сотни различных комбинаций – например, когда сплетали воедино нити разных цветов. К этому следует добавить еще укреплявшиеся иногда на шнурах цветные нитяные картуши и другие специальные обозначения, о которых пока мало что известно²⁴.

Накопление материала в результате археологических работ идет достаточно быстро. Когда К. Радикати в середине 1960-х годов открыл сериацию как принцип построения кипу, было известно менее 80 описанных экземпляров. Ныне же число зарегистрированных кипу составляет около 400 экз.²⁵ (неясно, входят ли в это число только инкские кипу или и более древние, так как автор особо этого не оговаривает), что позволяет надеяться на дальнейшее пополнение и уточнение уже имеющихся данных.

Даже из приведенного выше достаточно краткого описания видно, что кипу представляло собой весьма сложную информационную систему. Многие ее детали стали ясны лишь относительно недавно, когда в науке уже успели сформироваться три взгляда на то, что же собственно такое кипу.

Наиболее распространенным и сегодня является мнение, что кипу – учетно-стати-

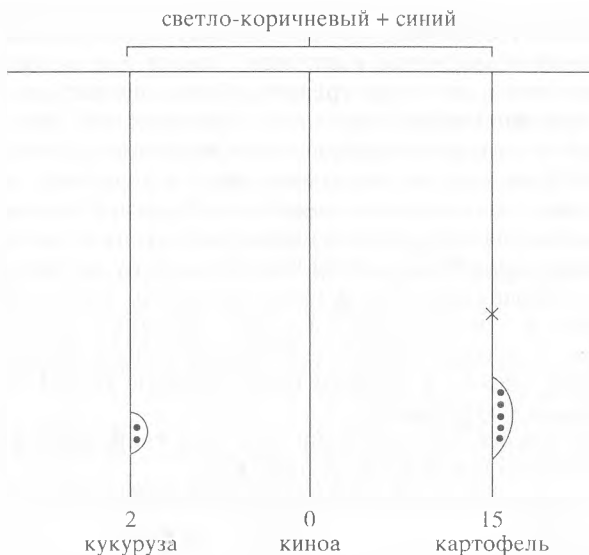

Рис. 2. Вариант кодирования информации на кипу: цвет – категория предметов, соответствующая подвеска – конкретный предмет, узлы – количество

стический инструмент. Основано оно на солидной подборке данных хронистов (не говоря уже о давно замеченной десятичной системе счисления, положенной в основу кипу, что следует, как мы отмечали выше, из количества узлов и их строения)²⁶. Согласно их утверждениям, инкские чиновники с помощью кипу вели тщательный учет всего, что только можно было сосчитать: людей по возрастным и прочим категориям, урожаям, податей, поголовья скота, количества деревьев, пахотных земель, оружия на складах и т.д. Техника «записи» облегчалась четким местом, отводимом на кипу каждой такой категории учета, различиями в цветовых обозначениях. На рис. 2 представлен возможный в такой системе вариант записи: категория – культивируемые растения (ее цвет, например, коричневый с синим); две весовые единицы маиса, 15 единиц картофеля, киноа (съедобная лебеда) – отсутствует. Соответствующие изменения по мере надобности можно было внести, добавив новые узлы или убрав лишние. Вероятно, узлы в ряде случаев служили целям отметки категории так же, как порядок расположения нитей и цветовые указатели. Например, мы можем предполагать такую функцию для фламандских, а возможно, и сложных узлов, если их расположение необычно. Используя только три показателя – цвет, порядок расположения на кипу, количество и разновидности узлов, можно было создать обозначения для сотен, если не тысяч, различных категорий предметов²⁷. Неудивительно, что вести подсчеты с помощью такой четкой системы было достаточно просто и удобно, и испанцы после завоевания переняли ее, а упрощенными кипу и по сей день пользуются скотоводы в Андах²⁸. Необходимо также отметить, что известные на сегодня кипу в большинстве своем, если не все, относятся, вероятно, именно к такого рода статистическим документам.

Однако те же хронисты отмечали, что, используя кипу, специальные чиновники-«чтецы», т.е. уже упомянутые кипукамайоки, выдавали при необходимости не только статистические данные. По сообщениям испанских авторов, существовали кипу, содержавшие историческую, юридическую, религиозную информацию (правила ритуалов, календарь), а также песни, предания и т.д., и все это при полном отсутствии письма, по единодушному утверждению тех же авторов.

Одни исследователи (И.Е. Гельб, И. Фридрих) просто отметили эти сведения как фантастические, другие верили им, но с оговорками. Шведский американец Э. Нор-

деншельд, изучив немногие известные к 20-м годам XX столетия кипу, высказал новый взгляд на их функцию с учетом того факта, что кипу находили лишь в захоронениях (это справедливо практически для всех ныне известных экземпляров). Э. Норденшельд доказывал, что кипу – это средство фиксации информации, связанной с календарем, и что основное назначение кипу – магическое²⁹. Магический характер части кипу сомнений не вызывает: искоренители идолопоклонства индейцев – испанские монахи XVI–XVII вв. – отмечали находки кипу в индейских святилищах. Помещенные в захоронения, они, очевидно, каким-то образом облегчали переход в иной мир. Известна и магическая роль узлов в разных культурах по данным этнографии³⁰. Однако вряд ли следует приписывать всем известным кипу лишь такое назначение на основании мест их находок. Кстати, и гонители ереси, по их же свидетельствам, нередко обнаруживали в местах культа самые обычные предметы. И наконец, К. Радикати проверил и оспорил расчеты Э. Норденшельда относительно признания священного характера числа 7 в древнем Перу, которое якобы служило отправной точкой при календарных вычислениях³¹.

Нам кажется, что нет особых оснований выделять такие кипу в отдельную разновидность – это фактически все те же цифровые кипу.

Попыткой примирить сведения о кипу как статистических инструментах с данными хроник о наличии кипу повествовательных было признание узелкового письма прежде всего мнемотехническим средством, помощником памяти. Суть данной гипотезы сводится к тому, что разнообразные сведения фиксировались в кипу цифрами; местоположение узлов и цвет нитей служили некими указателями, равно как и специальные дополнительные значки, а остальное, предварительно заученное, кипукамайок вспоминал, перебирая кипу. Серьезным аргументом в пользу такой трактовки служит помимо указаний хроник наличие этнографических аналогов перуанским кипу – так называемых узелков на память, которые в разных формах были известны в циркумтихоокеанской зоне, а также в Европе. Мы вернемся к ним позже, а пока отметим, что нигде такие узелки не достигали сложности перуанских кипу. И это при том, что обосновать принадлежность сохранившихся образцов кипу именно к таким мнемоническим средствам нецифрового характера до сих пор не удалось.

В.А. Кузьмищев подсчитал, что с помощью только одного далеко не самого сложного кипу можно было оперировать миллиардами комбинаций, и предположил, что кипу вместе с кипукамайоком, который закладывал в них информацию, а при необходимости извлекал ее, составляли единое счетно-вычислительное устройство. Но если это так, то возникает вполне законный, на наш взгляд, вопрос: а сколько всего должен был помнить кипукамайок и способен ли вообще человеческий мозг вместить столько информации даже с учетом переложения сопроводительного текста в стихотворную форму? Одно дело – мелкий чиновник с ограниченными обязанностями. Но как работал в случае необходимости толкователь 6-килограммового кипу в храме Пачакамака близ современной Лимы?³²

Лишь один хронист помогает прояснить ситуацию, не ограничиваясь просто рассуждениями, а демонстрируя работу кипукамайока на конкретном примере. Он же, кстати, отметил, что кипукамайок ошибался, если это случалось, лишь раз в жизни – другой такой возможности ему уже не предоставляли, так как в этом случае его немедленно казнили. Самое удивительное, что хронист этот – упоминавшийся А. де ла Каланча из Ордена августинцев. Не будучи современником конкисты, он, надо полагать, со всем богатым арсеналом некогда использовавшихся кипу ознакомиться не мог. К тому времени слишком многое погибло, да и кипукамайоков поубавилось. Падение уровня владения кипу к XVII в. испанские авторы фиксировали как непреложный факт. И все же сведения Каланчи относительно кипу уникальны и не раз привлекали к себе внимание³³. Возможно, его особый интерес к узелковому письму объяснялся тем, что Каланча был креолом, т.е. уроженцем Перу, а не испанцем, как большинство хронистов. Его данные позволяют реконструировать одно из так называемых исторических кипу, схема которого была приведена на рис. 1.

Желая оспорить утверждение Гарсиласо де ла Веги, гласившее, что узлы кипу передавали лишь цифры, Каланча привел пример фиксации исторического предания об одном из эпизодов правления первого правителя инков Манко Капака³⁴. Согласно его объяснению, кипу, представленное на рис.1, «читается» следующими образом: это историческое предание, поэтому шнур *A* – черный (символ исторического времени); нити *B* – естественного цвета, со множеством узлов, что означает отрицание наличия чего бы то ни было – правителей, управления, религии, цивилизации – до инков; затем появился первый инка – Манко Капак (карминовая нить *G*); на четвертом году его правления (узлы *D*) он покорил 10 провинций (бурая нить *E* с узлами *Ж* и зелеными нитями *З* и разноцветными *H*); нити *I* и *K* обозначают захваченную добычу; красная нить *L* показывает число павших воинов-инков в тысячах, а сине-желто-белая *M* – обозначение устроенного по случаю победы праздника.

Как видим, данные Каланчей объяснения несколько путанны, он не сумел, например, четко показать, как передавались средствами кипу имена собственные, хотя и утверждал, что это делалось. Так, по его словам, каждая столица провинции имела свой номер. Каланче удалось, однако, довольно наглядно продемонстрировать использование богатой цветовой гаммы в подвесках трех порядков.

Оснований сомневаться в добросовестности Каланчи у нас нет, придумывать фальшивку ему было незачем. Его хроника – один из признанных источников по исторической этнографии Перу³⁵. В общую схему кипу реконструкция на основе его описания укладывается хорошо, несмотря на то что в оригинале подобных образцов не сохранилось и сравнивать данные Каланчи пока не с чем.

Однако, сравнительно недавно схема Каланчи, как нам представляется, получила подтверждение с совершенно неожиданной стороны. Да, исторические кипу до нас не дошли, тем не менее сохранились тексты, которые удалось идентифицировать как записи, сделанные со слов кипукамайюков, т.е. своего рода «переводы» текстов кипу на испанский язык. Содержание этих текстов и само их строение позволили сделать очень интересные выводы.

Так, оказалось, что тот же метод обозначений, который лежал в основе так называемых цензовых, т.е. счетных, кипу (числовые знаки в цветовых категориях), позволял вводить обозначения таких понятий, как «начальник» в категории «испанцы» для обозначения, скажем, Ф. Писарро – завоевателя Перу, названий соответствующих городов в той или иной провинции и др. Что же касается географических названий и личных имен, которые не поддавались такому «написанию», то, предположительно, можно было использовать систему, основанную на комбинировании фонетических и нефонетических элементов: подыскивалось кечуанское слово, по звучанию близкое к тому, которое нужно было воспроизвести, и заносилось на кипу с обозначением соответствующей категории (например, «географическое название»), чтобы избежать путаницы.

Есть вероятность того, что в подобных случаях при произнесении слова для получения правильного текста следовало читать на кечуа в каждом случае лишь первый слог и таким образом составлять из нескольких слогов нужное слово. В зависимости от тематики кипу имело как бы ключевые категории, на основе которых строился текст. Так, согласно сообщению Каланчи и заключениям Д. Роу, для исторических кипу таковыми были категории: «провинции», «крепости», «правители», «добыча» и др. Тот же Д. Роу показал сходство строения административных испанских текстов, базирующихся на информации, полученной посредством кипу, со строением текстов хроник таких авторов, как Кабельо Бальбоа, М. де Моруа и П. Сармьенто де Гамбоа, которые и сами, кстати, утверждали, что при написании своих трудов использовали сведения, полученные от кипукамайюков³⁶.

Проиллюстрировать изложенную здесь гипотезу лучше наглядными примерами. Так, на рис.3 представлена запись текста: «Когда маркиз Писарро отправился из Бомбона в Кахамарку, мы дали ему 826 индейцев и все они погибли в ходе этой экспедиции» (указания на цветовые обозначения – кармин, красный, голубой, зеленый и др. – условные, как и в последующих рисунках).

Рис. 3. Возможный вариант передачи короткого текста исторического содержания с помощью кипу с использованием категорий по цвету и числовых обозначений

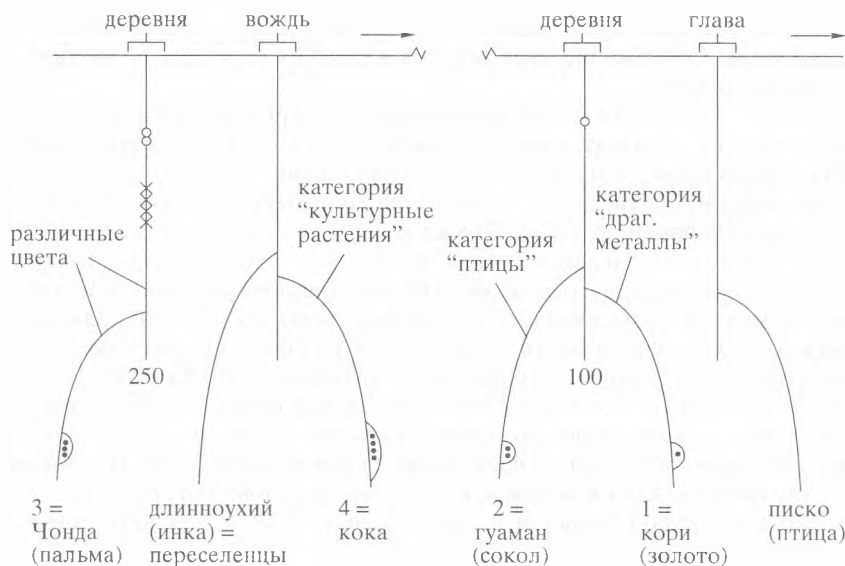

Рис. 4. Возможный вариант передачи названий населенных пунктов и количества населения в них по тому же способу, что и на рис. 3, с подстановкой сходно звучащих в речевой передаче понятий

На рис.4 дан пример того, как можно было фиксировать имена собственные и географические названия, используя близкие по звучанию кечуанские слова: например, сочетание понятий «сокол» и «золото» передавали название д. Гуаманкоро с населением в 100 чел.

Рис. 5. Возможный способ передачи географических названий на кипу при употреблении фонетическо-слоговой системы прочтения

Рис.5 показывает, как с помощью кипу можно было, используя, как и в предыдущем случае, казалось бы, совершенно неподходящие категории («полезные растения», «деревянные изделия» и т.п.) передать название долины Пакасмайо, читая только первый слог в первом и втором случаях и все слово целиком – в третьем, так что наименование долины складывалось из слов «картофель», «деревянный жезл» и «река».

Разумеется, эти построения еще нуждаются в детальной проверке и доработке, хотя, как представляется, изложенные выше сведения и созданная на их основе гипотеза, предложенная финским исследователем М. Пярссиненом, не только расширяют, но и подтверждают в целом данные Каланчи. Подробнее об этом новом взгляде на кипу мы еще будем говорить, пока же отметим, что, как явствует из рассказа Каланчи и из приведенной гипотезы, не так уж много нужно было помнить кипу-камайоку, чтобы истолковать кипу. Есть, правда, одна неясность: насколько высока была профессиональная выучка информатора Каланчи? Может быть недостатки описания, приведенного в хронике, – результат (хотя бы частично) не столько неподготовленности Каланчи, сколько «квалификации» его информатора? Ведь он представил образец, вероятно, далеко не самого сложного кипу.

В то же время информация Каланчи и результаты новых исследований подтверждают сейчас уже очевидную истину. Существовали разные виды кипу и разные методы их «дешифровки». Способ истолкования статистического кипу явно не годился

(без специальных дополнительных знаний) для магического, а тем более исторического кипу, даже такого, как в описании Каланчи³⁷. Следовательно, были и кипукамайоки разных рангов в зависимости от квалификации. И когда хронист Б. Кобо отмечал, что кипукамайоки тех или иных районов империи инков не понимали кипу друг друга³⁸, это, возможно, объяснялось разницей и в их специализации, хотя причина тут могла быть и не одна.

Для того чтобы выяснить более детально, какими еще возможностями могло обладать кипу, попробуем обратиться к аналогичным устройствам, бытовавшим в других местах. Точнее, рассмотрим описанную лучше других систему цзешэн древнего Китая, которую часто сравнивают с кипу³⁹.

Цзешэн представлял собой мягкий пояс с двумя кистями из шести шнуров на каждой; цвета шнуров были разные, и на каждом можно было завязать по пять узлов – больших или маленьких, в зависимости от важности того, что следовало запомнить. Шнуры могли использоваться и как счеты. На сегодня в целом признано, что цзешэн, которым владели лишь посвященные, долго этому учившиеся, – как раз мнемоническое средство. Со временем оно, как, очевидно, и прочие «дописьменные» системы – нйзки из раковин, специальные бусы из шариков разного цвета, бирки с насечками, бытовавшие в том же Китае, – было вытеснено иероглификой.

Бросается, однако, в глаза, насколько китайское «кипу» примитивнее перуанского. В последнем – десятки шнуров разного порядка, огромное разнообразие цветовой гаммы, сериация при построении, картуши, разделители, узлы трех типов и разных размеров. Зачем такой избыток изобразительных средств, если цель – та же мнемоника?

Определенным сходством с кипу обладает и еще одна знаковая система, не имеющая ничего общего с мнемонической. Хотя ее известные образцы выполнены в камне, можно подозревать, что в основе была все та же веревка с узлами. Это огам – древнеирландское алфавитное письмо вторичного характера, на создание которого повлияла латинская письменность, впоследствии огам и вытеснившая⁴⁰.

Мы не собираемся утверждать, что кипу – фонетическая система наподобие, скажем, азбуки Морзе, хотя попытки подобных утверждений делались⁴¹. Это опять-таки предполагало бы слишком резкий скачок от пиктографии к алфавиту, причем без посторонних влияний. Такие случаи неизвестны, а промежуточные звенья отсутствуют. К буквам кипу, возможно, и могло бы прийти со временем. Но вообще в разостланном виде, если исключить цвет, кипу во многом напоминают предмет куда более позднего происхождения – перфокарту. Вероятно, такого визуального сходства недостаточно для далеко идущих выводов. О значительных информационных возможностях кипу свидетельствует тот факт, что оно, как китайский цзешэн, не вышло из употребления. Наоборот, кипу фактически отодвинуло на периферию пиктографию, так и не дав ей стать чем-то большим. О длительном процессе эволюции кипу говорит и обнаружение в Андах еще одной знаковой информационной системы – так называемой юпаны (уурана). Дословно это слово можно перевести как «счет». В инкское же время она выступала в качестве дополнения к кипу. В русской научной литературе эта система, похоже, не описывалась, так что остановимся на ней подробнее.

Начнем опять с хроник. Акоста писал, что индейцы нередко пользовались вместо кипу (и с немалым успехом) камешками или маисовыми зернами, которые располагали в определенном порядке, а затем передвигали по известным им правилам. Таким образом они, например, в его время заучивали молитвы, производили счетные операции, причем очень точно⁴². Правда, Акоста ограничился лишь кратким упоминанием, без детализации, понять же саму систему, очевидно, и не старался, а единственным хронистом, который изобразил это счетное устройство рядом с кипукамайоком, был индейский автор конца XVI в. Гуаман Пома де Айяла. Последний, вероятно, хотел показать, что на практике данный чиновник использовал в своей работе оба устройства – и кипу, и так называемую счетную доску, напоминающую шахматную, только с полями одного цвета. Два века позднее о своеобразных

«складах информации», разделенных на секции, где помещались камешки различных цветов и размеров, писал эквадорский автор Х. Веласко⁴³.

При раскопках в Эквадоре и на севере Перу были обнаружены своеобразные разделенные на клетки и отсеки «доски» из камня, дерева, глины, которые из-за башнеобразных возвышений на противоположащих углах или на одной из сторон считали даже моделями архитектурных сооружений. Но поскольку такие «башни» есть далеко не на всех досках, а деление на отсеки имеет много общего во всех известных случаях, постепенно распространилось мнение об этих предметах как об устройствах для счета или некоей игры.

Аналогичные таким доскам изображения были обнаружены на керамике культуры мочика первой половины I тыс. н.э. на севере перуанского побережья. Если идентификация этих предметов как досок для юпаны справедлива, то перед нами свидетельства достаточно большой древности самой системы. Но самое интересное в другом. На одном из сосудов представлены мифические существа, которые, сидя перед такими досками, производят некие манипуляции с узорными фасолинами – теми самыми, которые, согласно Р. Ларко Ойле, несли знаки письма⁴⁴. В данном контексте, однако, они больше походят на фишки – игорные или счетные, каковыми, скорее всего, и являлись в действительности. Этим, вероятно, объяснялась и популярность изображений разноцветных фасолин у мочика. Ведь их росписи на сосудах тесно связаны с ритуалами и мифологией, в которых священные игры, гадания, а в ряде случаев и связанные с ними счетные операции, должно быть, играли немаловажную роль.

Счетная доска у инков, очевидно, представляла собой упрощенный в целях удобства вариант такой «игральной» доски. Судя по изображению Гуамана Помы, с нее убраны все «архитектурные излишества» и она более всего походит именно на уменьшенную шахматную доску (4 × 5 квадратов одного цвета). Фишки использовались двух цветов⁴⁵.

К. Радикати попытался восстановить схему производства вычислений на этих перуанских счетах и пришел к выводу, что юпана позволяла путем определенных передвижений фишек на доске производить все четыре арифметических действия точно и быстро даже при операциях с большими числами. Но он отметил также, что юпана очень похожа на счетное кипу: вертикальный ряд клеток – тот же шнур-подвеска, фишки – узлы, даже способ обозначения нуля – оставление одной из клеток пустой. Заключение, к которому пришел перуанский исследователь, таково: кипу возникло из юпаны путем переноса на другой материал и усложнения схемы, однако юпана сохранила свое значение удобного и быстродействующего счетного устройства, на котором производились вычисления. На кипу же фиксировался уже результат, подлежащий сохранению (для этих целей оно, безусловно, было удобнее), что избавляло от лишней работы с узлами⁴⁶.

Очень важно то обстоятельство, что юпана представляла собой не только счеты. Акоста писал, что в его время (конец XVI столетия) индейцы с помощью камешков или зерен маиса (а согласно Гуаману Поме, фишками могли быть и зерна киноа – перуанской разновидности съедобной лебеды) не только «записывали» и заучивали, но при необходимости и «читали» молитвы и исповеди. Те же исповеди читались и по кипу⁴⁷, поэтому юпана в какой-то степени могла заменить кипу. Однако, последние по своему устройству были, как мы видели, много сложнее и, следовательно, обладали несоизмеримо большими возможностями как хранилища информации. В распоряжении кипукамайкоков имелось также немало средств для дальнейшего увеличения их емкости и облегчения фиксации сведений. Так появились «сокращения»: если подвеска не несла необходимой информации в виде узлов, при известных обстоятельствах ее можно было убрать – срезать. В результате появлялись неполные по составу группы подвесок, которые, как поначалу казалось, нарушали, например, то же правило сериации. В некоторых случаях удалялся не весь шнур, а только та его часть, которая опять-таки была «пустой». Такие «неполные» кипу известны по находкам⁴⁸. Это, кстати, еще одна из возможных причин того, что кипукамайоки из разных районов не

всегда понимали кипу друг друга: неясно, были эти правила сокращений кодифицированы или носили местный характер.

Все имеющиеся на сегодняшний день сведения относительно потенциальных возможностей кипу, несмотря на гипотетичность многих положений, а также сравнение кипу с системами, так или иначе с ним сходными (цзешэн, юпана), не позволяют, на наш взгляд, считать инкское «узелковое письмо» только счетным или мнемоническим средством. Для выполнения такой функции оно кажется излишне усложненным. К тому же очень уж упорно хронисты настаивали на том, что кипукамайоки «читали» по кипу словно по книге, выдавая по запросу информацию практически любого содержания⁴⁹. У нас нет оснований для подозрений, что все они сговорились с целью приписать кипу те возможности, которыми оно не обладало. Поэтому их часто считают просто фантазерами⁵⁰. Они фантазировали, когда утверждали, что на кипу можно «записать» и потом «прочесть» с него все, что угодно, или когда сообщали, что их собственные хроники составлены с учетом данных кипу, что на кипу перелагали песни, которые им доводилось слышать... Не слишком ли много фантазий?

В своем исследовании, посвященном проблемам дешифровки кипу, К. Радикати, тщательно рассмотрев все имевшиеся данные, пришел к выводу, что проблема кипу должна иметь достаточно простое решение именно потому, что она кажется чересчур сложной. Выше мы излагали гипотезу о том, как могли составляться и «читаться» исторические кипу. У этой гипотезы есть, правда, один существенный недостаток: она полностью игнорирует сериацию как принцип построения кипу. Конечно, данных о том, что сериацию использовали всегда в тех случаях, когда речь не шла о цифровых кипу, у нас нет, но ее наличие в ряде случаев – установленный факт, который вряд ли можно просто не учитывать. Что касается вопроса о возможной простоте кипу как системы – инки были людьми очень практичными и вряд ли стали бы усложнять себе жизнь без надобности. Тем не менее в кипу и в юпанае налицо огромная избыточность информационной емкости, для чего должны быть веские причины.

К. Радикати пришел, на наш взгляд, к важному выводу, который в других публикациях исследователи почему-то обошли молчанием. Он использовал свои познания в китайском языке и, сравнив китайский цзешэн и раннюю иероглифику с кипу, заключил, что узлы, цвет, сериация и параллелизм в построении, дополнительные значки-символы и пр. позволяют рассматривать сложные кипу как идеографию, действовавшую по тому же принципу, что и китайский метод составления фигур и комбинаций на основе гексаграмм⁵¹. При этом он счел логичным то обстоятельство, что такие идеографические кипу не могут быть очень многоцветными и что тогда число получаемых с их помощью комбинаций будет вполне сравнимо с числом иероглифов, которые знает, скажем, достаточно образованный китаец. Однако далеко не все кипу идеографические. Многоцветные кипу, которые К. Радикати признал магическими по своему назначению, должны иметь иной принцип кодировки, как, впрочем, и числовые. В разных категориях кипу значение составляющих – того же параллелизма, например, будет различаться.

Основой идеографии кипу К. Радикати счел сериацию, ибо лишь она могла позволить частично замещать кипу с помощью, скажем, юпаны, как следует из сообщения Акосты. Эта же гипотеза предлагает и объяснение наличия в кипу подвесок второго, третьего, а возможно, и четвертого порядка, кажущихся в данном случае излишними. К. Радикати исходил из того, что кечуа – агглютинативный язык, как, например, венгерский, в нем множество грамматических частиц, которые для удобства лучше именовать суффиксами. Без их использования фразу построить невозможно. Китайский же язык в подобной ситуации обходится корнями слов. Вот именно в роли необходимых грамматических указателей и было логичнее всего использовать дополнительные подвески⁵². Аналогий такой схеме построения известно достаточно: различные детерминативы и т.п. в иероглифике и даже в более поздних письменностях.

Несмотря на то что изложенная гипотеза К. Радикати, а также другая, описанная выше и посвященная проблеме построения исторических кипу, основаны на разных

подходах (одна опирается на сериацию, другая – на принцип использования большого количества различных категорий, создаваемых порядком расположения, цветом шнуров, и количеством, и местоположением, а возможно, и видом узлов), у них есть один общий момент: независимо от того, делается или нет соответствующее сравнение, кипу выглядит как устройство, работавшее по принципу, фактически аналогичному применявшемуся в иероглифике. Независимо от того, какая из двух гипотез окажется правильной (не исключено, что их надо рассматривать параллельно и применять в различных случаях, хотя, конечно, со временем новые материалы могут и вовсе изменить взгляд на кипу), и исходя из факта, что на сегодня ни одна из них не опровергнута, мы все же получаем в целом вполне логичную картину, которую, пока очень приблизительно, можно представить себе следующим образом.

Формирование на территории древнего Перу раннеклассовых обществ и появление первых государственных образований потребовало решения весьма насущной проблемы хранения и передачи информации. Были причины этого хозяйственными или носили магический характер – этот вопрос мы не рассматриваем. Вполне вероятно, что имело место и то, и другое, поскольку магия тесно связана с хозяйственной деятельностью. Для решения возникшей проблемы перуанцы, безусловно, должны были использовать свои навыки в пиктографии, простые счетные и мнемонические системы (например, что-нибудь наподобие широко известного вампума, а также веревки с узлами «на память», фишки и т.д.). У мочика в I тыс. н.э. уже можно предполагать наличие юпаны, употреблявшейся для счета, магических игр и фиксации нечисловой информации. Сохраняется и пиктография. Появляются первые кипу, но когда и где – на этот вопрос ответа мы еще не знаем, как и на другой – действительно ли кипу суть дериват юпаны или же независимое изобретение (последнее кажется более вероятным хотя бы потому, что наличие похожих, но более простых устройств достаточно широко распространено, в частности, что примечательно, у скотоводов). Однако определенно кипу уже известно было в государстве Уари (VII в.)⁵³.

Поначалу имевшие вид простых цветных шнуров, даже без узлов (такие тоже найдены при раскопках), кипу постепенно усложняются. Возможно, имело место взаимовлияние пиктографии, юпаны и кипу. Для небольших по размерам государств тогдашнего Перу (существование в древности на его территории крупных «империй» все еще дискуссионно) этих систем было, очевидно, вполне достаточно.

В XIV–XV вв. на побережье существовало возникшее несколько ранее сильное государство Чимор. Оно было достаточно крупным – занимало территории прибрежных долин от современной границы с Эквадором до окрестностей позднейшей столицы Перу Лимы. Естественно, для этого государства информационный вопрос имел куда большее значение, чем для его предшественников, что должно было стимулировать совершенствование имевшихся средств. Хронист М. де Моруа (правда, только он) даже писал, что именно в Чиморе инки заимствовали кипу⁵⁴. В этом вообще-то нет ничего невероятного. Могли и позаимствовать, и усовершенствовать нечто свое. Ведь, завоевав Андскую область, создав огромное государство, инки нуждались в обладании куда большим объемом информации, чем кто-либо и когда-либо до них. И происходит качественный скачок. Инки не изобретают, на это у них нет времени, они совершенствуют то, что есть. А получив кипу различных категорий сложности (от счетного до идеографического) при сохранении в качестве дополнительных средств, юпаны и пиктографии, они решают проблему не только информации как таковой, но и доступа к ней.

Сложнейшие кипу могли читать очень немногие, цифровые – любой прошедший курс обучения. Подготовка кипукамайоков длилась годами – профессия была наследственной, обучать начинали с детства. И тут кипу тоже оказалось на редкость удобно: его премудрости можно было начинать постигать и до начала изучения официального языка чиновников – кечуа, поскольку кипу не являлось фонетической, алфавитной системой, как, например, ирландский огам. А категории и понятия подчинялись только правилам выражения, и язык, на котором думал и говорил в обычных условиях

кипукамайок, значения не имел. Но вряд ли это обучение было в целом более сложным, чем то, которое требовалось для усвоения нескольких тысяч китайских иероглифов – последнее тоже занимало годы.

Испанское завоевание привело к быстрому исчезновению именно кипу высших категорий сложности: многое погибло в ходе военных действий или намеренно уничтожалось впоследствии, например, теми же монахами-проповедниками. Была фактически ликвидирована инкская знать, умевшая пользоваться такими кипу. К тому же сильную конкуренцию им составила принесенная испанцами письменность. Таким образом, навыки составления и пользования «узловым письмом» постепенно утратились. Другое дело – кипу цифровые. В очень упрощенных формах андские скотоводы ими пользуются до сих пор; известные на сегодня археологам кипу относятся именно к этому виду. Статистический характер многих из них очевиден. В отношении же магических кипу пока что-либо определенное трудно сказать – предстоит еще большая работа.

Итак, кипу как информационная система приняло на себя в Перу функции, которые в других странах принадлежали письму, и смогло его в этом качестве заменить. А чем одно от другого отличалось? В принципе – именно в принципе – ничем. Рассмотренные нами выше гипотезы независимо от того, какая из них ближе к истине, предполагают, что перуанцы шли тем же путем, что и народы других континентов: от пиктографии через мнемонические системы к идеографии и иероглифике. Функции кипу и письма в целом совпадали, и потому рассматривать кипу надлежит именно с этих позиций. Конечно, в данном случае уникально то, что можно назвать формой выражения при большой степени сложности. В Китае не стали совершенствовать цзешэнь и перешли к иероглифам, инки же поступили наоборот, что доказывает принципиальное равноправие обоих вариантов. Почему инки не изобрели что-нибудь вроде бумаги, как в Мексике, и не перешли к письму – вопросов можно ставить сколько угодно. Вряд ли они не смогли бы этого сделать. Просто такой необходимости они не ощущали, это – факт. Пример ирландского огама хорошо показывает, насколько далеко могла зайти эволюция кипу в будущем. Правда, огам считают письмом только потому, что знаки наносились на камень, а не в виде узлов на веревки, как, судя по всему, было ранее.

Другое дело, что в отличие от иероглифов и того же огама с учетом потерь в результате испанского вторжения мы вряд ли можем надеяться на быстрое решение проблем, связанных с расшифровкой всех разновидностей кипу. Нового Розеттского камня, который бы все объяснил, в Перу пока не обнаружено, а спросить, как и в случае с египетскими иероглифами, некого. Немаловажное препятствие – сама необычность системы кипу и отсутствие единства в представлениях о ней. Например, изложенные выше гипотезы построены на разных подходах. И создается впечатление, что это мешает полностью воспринять и использовать все то полезное, что было сделано другими авторами.

Быстрое накопление новых материалов и рост интереса к кипу позволят, надо полагать, со временем изменить существующее положение. Удастся ли по-настоящему дешифровать кипу? Об этом пока можно только догадываться.

Примечания

¹ См., напр.: Carta de Hernando Pizarro a los oidores de la Audiencia de Santo Domingo // Conde de Canilleros. Tres testigos de la Conquista del Perú. Madrid, 1964. P. 58; Acosta J. de. Historia natural y moral de las Indias. Barcelona, 1591. P. 266; Cieza de León P. de. El señorío de los Incas. Lima, 1973. P. 45–48.

² Кузьмищев В.А. У истоков общественной мысли Перу. М., 1979. С. 264.

³ Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 188–191, 437–439.

⁴ Porras Barrenechea R. Fuentes históricas peruanas. Lima, 1968. P. 112–115.

⁵ Parssinen M. Tawantinsuyu. Helsinki, 1992. P. 26–31.

⁶ См., напр.: Кнорозов Ю.В., Федорова И.К. Древнее перуанское письмо: проблема и гипотезы // Лат. Америка. 1970. № 5. С. 90.

⁷ Подробно об этом см.: Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.

- ⁸ *Kauffmann Doig F.* Historia general de los peruanos. T.1. Lima, 1973. P. 24–26; *Хара В. де ла.* Дешифровка письменности инков и проблема кипу // Лат. Америка. 1972. № 5.
- ⁹ *Ibarra Grasso D. E.* La escritura indígena andina. La Paz, 1953.
- ¹⁰ *Porrás Barrenechea R.* Op. cit. P. 115–116.
- ¹¹ Кузьмицев В.А. Указ. раб. С. 262, 264.
- ¹² История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 364–374; *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. М., 1982. С. 34–57.
- ¹³ Анализ мочикских изображений см. в: *Березкин Ю.Е.* Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л., 1983.
- ¹⁴ *Гельб И.Е.* Указ. раб. С. 184–187.
- ¹⁵ *Radicati di Primeglio C.* Introducción al estudio de los quipus. Lima, 1951. P. 70–71; *Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986.
- ¹⁶ *Cabello Valboa M.* Miscelánea Antartica. Lima, 1951. P. 393–394.
- ¹⁷ *Porrás Barrenechea R.* Op. cit. P. 106, 112.
- ¹⁸ *Radicati di Primeglio C.* Op. cit. P. 69.
- ¹⁹ *Федорова И.К.* Особенности андского письма // Древние системы письма... С. 255–256; *Кузьмицев В.А.* Указ. раб. С. 263.
- ²⁰ *Гельб И.Е.* Указ. раб. С. 185; *Фридрих И.* Указ. раб. С. 30–47.
- ²¹ *Kauffmann Doig F.* Op. cit. P. 25–26; *Espinoza Galarza M.* Toponimia quechua del Perú. Lima, 1973. P. 142; *Березкин Ю.Е.* Мочика. С. 47–48; *его же.* Древнее Перу. Новые факты – новые гипотезы. М., 1982. С. 37–40.
- ²² *Porrás Barrenechea R.* Op. cit. P. 109–112.
- ²³ *Radicati di Primeglio C.* La «seriación» como posible clave para descifrar los quipus extranumerales // Documenta. 1965. № 4.
- ²⁴ Описание кипу приведено по работам: *Radicati di Primeglio C.* Introducción al estudio...; *idem.* La «seriación» como posible...; *Pärssinen M.* Op. cit.; *Кузьмицев В.А.* Говорящие узлы Тауантинсуйю // Лат. Америка. 1971. № 6.
- ²⁵ *Pärssinen M.* Op. cit. P. 33.
- ²⁶ *Ibidem.* P. 33; См. также упомянутые выше произведения Э. Писарро, П. Сьесы де Леона и особенно: *Вега Г. де ла.* История государства инков. Л., 1974. С. 356–360. О кипу писали и многие другие хронисты.
- ²⁷ *Pärssinen M.* Op. cit. P. 36–37.
- ²⁸ *Kauffman Doig F.* Op. cit. P. 23.
- ²⁹ *Nordenskiöld E.* The Secret of the Peruvian Quipus // Comparative ethnological Studies. Goteborg, 1925. № 6.
- Pt 1.
- ³⁰ *Radicati di Primeglio C.* La «seriación» como posible... P. 169.
- ³¹ *Ibid.* P. 170–172; *idem.* Introducción al estudio... P. 50.
- ³² *Кузьмицев В.А.* Говорящие узлы Тауантинсуйю. С. 110, 122.
- ³³ См. напр.: *Hagen V.W. von.* Realm of the Incas. N.Y. S.a. P. 187.
- ³⁴ *Calancha A. de la.* Crónica moralizada del Orden de San Agustín en el Perú con sucesos ejemplares vistos en esta monarquía. Barcelona, 1639. Fol. 90–92.
- ³⁵ См.: *Riva-Agüero J. de la.* La historia en el Perú // Obras completas. T. VI. Lima, 1965.
- ³⁶ *Pärssinen M.* Op. cit. P. 40–48.
- ³⁷ *Radicati di Primeglio C.* La «seriación» como posible... P. 193.
- ³⁸ *Porrás Barrenechea R.* Op. cit. P. 129.
- ³⁹ О системе цзешэн см.: Народы Восточной Азии. М., 1965. С. 347–348; *Стратанович Г.Г.* Цзешэн – узелковое письмо древнего Китая // Вестн. древней истории. 1959. № 3. С. 101–103.
- ⁴⁰ *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984. С. 4–6.
- ⁴¹ *Chocano S.A.* Coordinada investigación del Queshua y del Kipu. Cuzco, 1960; *Minelli L.* Escritura silábica mediante quipus según los documentos «Xsul immeritus Blas Valera populo suo» y «Historia et Rudimenta Linguae Piruanorum» (Доклад на 50-м международном конгрессе американистов. Варшава, 2000).
- ⁴² *Acosta J. de.* Op. cit. P. 267.
- ⁴³ *Radicati di Primeglio C.* El sistema contable de los Incas: Yupana y quipu. Lima, 197(?) P. 11.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 23.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 25. 32.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 34–45.
- ⁴⁷ *Acosta J. de.* Op. cit. P. 267.
- ⁴⁸ *Radicati di Primeglio C.* El sistema contable de los Incas... P. 88–89.
- ⁴⁹ *Radicati di Primeglio C.* Introducción al estudio... P. 46, 61, 64; *Porrás Barrenechea R.* Op. cit. P. 120, 122–123, 125–126, 134–135.

⁵⁰ Гельб И.Е. Указ. раб. С. 15; Кнорозов Ю.В., Федорова И.К. Указ. раб. С. 85.

⁵¹ Radicati di Primeglio C. La «seriación» como posible... P. 172–188.

⁵² Ibid. P. 182–183.

⁵³ Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. С. 59.

⁵⁴ Кнорозов Ю.В., Федорова И.К. Указ. раб. С. 85.

N.V. R a k u t z. Quipu: It is not a script, but...

The article is devoted to the results of the recent decades' studies in the Inka Indians' mnemonic system quipu. An analysis of the existing hypotheses to explain the essential principle of quipu and rules of its use and its comparison with the other similar systems of storing and transmitting information allow the conclusion that in the concrete circumstances of ancient Peru quipu was performing practically the same functions as written languages in the Old World's civilizations at the early stages of their development, i.e. it was a system alternative to script in its tradition meaning. In its evolution quipu followed the same regularities as written languages proper and in the Inka's time it was at the stage which could be described as ideography. The peculiar feature of Peru was not quipu as such but that the Inka Indians were able to perfect it to the level which eliminated the need in script proper in contrast, for instance, to ancient China where a generally analogous system was supplanted by a hieroglyphic one.

© 2001 г., ЭО, № 2

И.М. Денисова

ПРЯЛКИ ЗОО-ОРНИТОМОРФНОГО ТИПА В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА*

Традиционные прялки Русского Севера, выполняя функцию элементарного деревянного приспособления для прядения нити, представляют в своей совокупности очень своеобразное явление народной художественной культуры. Если рассматривать его на хронологическом срезе XIX – начала XX в. (именно к этому времени в основном относятся дошедшие до нас прялки), то перед нами откроется яркая, красочная и довольно разнообразная картина, отражающая большую вариативность этого предмета как по форме *стояка* (вертикальная часть прялки, состоящая из *лопасти* для привязывания кудели и *ножки*), так и по приемам и особенностям декора. Узколокальные различия выражены в прялках, пожалуй, как ни в каких иных предметах народной культуры, поэтому они могут представлять собой ценный материал при изучении этнокультурной истории региона.

В то же время необходимо отметить, что формирование дошедших до нас многочисленных локальных видов расписного декора прялок произошло довольно поздно – в большинстве местностей оно датируется второй половиной XIX – началом XX в. (за исключением тех мест, где было сильно влияние иконописи и рукописной миниатюры; так, в северодвинских центрах Пермогорье и Борок расписные прялки появились не позднее второй половины XVIII в.¹). До этого прялки (если они вообще декорировались) украшались преимущественно резьбой – в основном трехгранно-выемчатой или более простой контурной, обнаруживающей большое сходство и по

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-01-00059а).